

УДК 327.8

Сергей Вячеславович Мошкин
доктор политических наук,
главный научный сотрудник отдела философии
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, (343) 374-33-55, osa-sv@yandex.ru

ЗАКАРПАТЬЕ – ПОСЛЕВОЕННОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ СТАЛИНА

В статье рассмотрены обстоятельства присоединения Закарпатской Украины к Советскому Союзу. Автор показывает, как эта территория, никогда ранее не принадлежавшая ни Российской империи, ни СССР, с подачи и при согласии руководства Чехословакии стала в 1945 г. частью Советской Украины и СССР. Возросший авторитет СССР как страны-победительницы германского фашизма, присутствие в Закарпатье частей Красной Армии, а также активная деятельность местных коммунистов, поддерживаемых советским военным командованием, сыграли, по мнению автора, решающую роль в росте просоветских настроений среди жителей Закарпатья, чем не преминуло воспользоваться советское руководство в своей политике расширения послевоенных границ.

Мюнхенские соглашения 1938 г.; внешняя политика СССР; советско-чехословацкие отношения; Закарпатская Украина; послевоенные границы в Восточной Европе.

По итогам второй мировой войны границы Советского Союза заметно раздвинулись. В 1944–1947 гг. в состав СССР вошли Тувинская Народная Республика, получившая статус автономной области в составе РСФСР; финский город Петсамо, вошедший в состав Мурманской области под названием Печенга; Северная часть Восточной Пруссии, включенная в состав РСФСР как Калининградская область; Южный Сахалин и гряда Курильских островов; Закарпатье, получившее наименование Закарпатской Украины и включенное в состав Украинской ССР в качестве Закарпатской области.

Закарпатье никогда ранее не входило в состав Российской империи, и тем более Советского Союза¹. Эта территория для СССР не

¹ В истории можно встретить и другие наименования этой небольшой, менее 13 тыс. кв. км, территории, расположенной на юго-западных склонах и предгорьях Восточных Карпат и Закарпатской низменности: Подкарпатская Русь, Карпатская Русь, Прикарпатская Русь, Угорская Русь, Карпатская Украина, Закарпатская Украина, Подкарпатская Украина, Подкарпатье и пр. Во избежание путаницы мы будем называть эту территорию Закарпатская Украина или Закарпатье, употребление других названий будет оговариваться особо.

была спорной, а потому на протяжении всего предвоенного периода и в ходе самой войны Советское правительство на официальном уровне никогда не высказывало территориальных претензий в отношении Закарпатья. Соответственно, тема присоединения Закарпатья к СССР ни разу не обсуждалась на конференциях союзных держав-победительниц по послевоенному урегулированию: ни в Ялте, ни в Потсдаме. Тем не менее в 1945 г. Закарпатская Украина стала частью СССР. Как это произошло и что этому способствовало?

До первой мировой войны Закарпатье входило в состав Австро-Венгерской империи под названием Угорская Русь. Жители этой небольшой территории, чуть более 12,5 тыс. кв. км, расположенной на южных и западных склонах Карпат, занимались в основном сельским хозяйством и лесозаготовками. В этническом составе населения преобладали русины и украинцы, в изрядном количестве проживали венгры, евреи, немного чехов и словаков, по чуть-чуть – немцев и румын. По окончании войны Венгерская республика, провозглашенная в ноябре 1918 г., признала Закарпатье в качестве автономной области под названием Руська Крайна. Однако уже в январе 1919 г. Общекарпатское национальное собрание приняло решение о присоединении к Украинской народной республике (не путать с Советской Украиной) и попросило помощи у киевского правительства. Инициатива не получила продолжения из-за скорой советизации Украины и установления в Киеве власти большевиков.

После коммунистического переворота в Венгрии в марте 1919 г. Закарпатье превратилось в автономную область Венгерской Советской республики. При подавлении переворота вооруженными силами Антанты чехословацкие войска оккупировали западную часть Закарпатья, а румынские – восточную. Инспирированное чехословацкими властями заседание «русских народных рад» 8 мая 1919 г. в Ужгороде высказалось за присоединение Закарпатья к Чехословакии в качестве самостоятельной самоуправляемой единицы в составе Чешско-словацко-русской федерации¹.

Точка в дискуссиях о принадлежности Закарпатья была поставлена на Парижской мирной конференции (январь 1919 – январь 1920 гг.), в ходе которой страны-победительницы в мировой войне решили включить Закарпатскую Украину в состав Чехословакии на правах автономии с широким самоуправлением и самостоятельным парламентом (сеймом). Впрочем, последнего так и не случилось: до 1938 г. в Закарпатье существовало губернаторское правление, губернатор при этом назначался президентом Чехословацкой республики.

¹ Следует заметить, что слово «русский» тогда использовалось весьма произвольно, зачастую в качестве синонима слову «русинский», по названию, соответствующему термину восточноевропейского славянского этноса «русины». Русины хотя и родственны народ для украинцев и русских, но все-таки не тождествен им.

В результате Мюнхенского соглашения (сентябрь 1938 г.) Чехословакия, потерявшая примерно треть своего населения и важнейшие экономические районы (Судетская область отошла преимущественно к Германии, Тешинская область – к Польше), превратилась по сути в несостоятельное государство и находилась на грани развала. В этой ситуации 8 октября 1938 г. в Ужгороде было образовано первое «карпато-русское» правительство во главе с А. Броди, ориентированное на вхождение Закарпатья в состав Венгрии на правах автономии. Буквально через две недели оно было сменено новым кабинетом во главе с А. Волошиным, мечтавшим о превращении Закарпатской Украины в центр собирания украинских земель и создания «Великой Украины» под протекторатом гитлеровской Германии. По замыслу Волошина, Великая Украина должна была объединить земли, населенные украинцами в Польше, Словакии, Румынии и СССР. Официальным языком в Закарпатье был объявлен украинский, все политические партии объединены в Украинский национальный союз, а деятельность коммунистической партии была запрещена повсеместно¹.

Однако планам Волошина не суждено было сбыться. Гитлер предпочел отдать Закарпатье потенциально союзнической Венгрии, тем более что последняя, не смирившись с решениями Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., не раз высказывала территориальные претензии на Закарпатье как свою исконную территорию. Вначале, в соответствии с решениями Первого венского арбитража Германии и Италии 2 ноября 1938 г., к Венгрии отошла западная часть Закарпатья, включая все наиболее крупные центры края: Ужгород, Мукачево, Берегово. А буквально через полгода, 14 марта 1939 г., венгерское правительство в ультимативной форме потребовало от Праги в 24 часа очистить оставшуюся часть Закарпатья от чехословацкой армии, и в тот же день венгерские войска перешли границу в районе Мукачево. 15-18 марта 1939 г. венгерская армия при безусловной политической и дипломатической поддержке Берлина полностью оккупировала территорию Закарпатья. Волошин с несколькими членами своего правительства вынужден был покинуть край².

Когда в сентябре 1939 г. войска Красной Армии по договоренности с нацистской Германией совершили «освободительный поход на Запад» и заняли часть Восточной Польши, присоединив к СССР территории Западной Украины и Западной Белоруссии, Венгрия

¹ Среди населения Закарпатья коммунисты имели весьма серьезное влияние. Так, к примеру, на парламентских выборах в 1935 г. они набрали 26,5 % голосов избирателей.

² В 1945 г. Волошин был арестован в Праге сотрудниками СМЕРШа и отправлен в Москву. Его обвиняли в украинском национализме и подготовке вооруженной борьбы против СССР за отторжение Украины и создание на ее территории буржуазного государства под протекторатом гитлеровской Германии. Он умер в Лефортовской тюрьме 19 июля 1945 г. во время допроса.

оказалась непосредственным пограничным соседом Советского Союза в районе Закарпатья. Это обстоятельство породило массу слухов как среди населения, так и в официальных кругах, что следующим шагом продвижения СССР на Запад станет советская оккупация Закарпатской Украины, а возможно и Словакии, до границ которой оставалось несколько десятков километров. Такой шаг СССР, казалось, был бы выгоден многим: жителям Закарпатья он давал шанс избавиться от венгерского владычества, для Чехословакии советская оккупация Закарпатья привела бы к установлению общей границы с СССР и обретению в лице Советского Союза мощного соседа, способного уравновесить территориальные амбиции Германии в регионе. По этой причине советским дипломатам во время официальных и неофициальных встреч приходилось не раз выслушивать откровенные предложения чехословацкой стороны о присоединении Закарпатской Украины к СССР [подробнее об этом см. 5].

Даже сам Э. Бенеш, бывший президент Чехословакии, покинувший страну после ее расчленения в марте 1939 г. и находившийся в эмиграции в Лондоне, во время одной из встреч с советским послом И. Майским заявил о своем желании видеть Закарпатье в составе СССР. Изложение беседы, состоявшейся 22 сентября 1939 г., Майский незамедлительно передал в Москву. В депеше говорилось: «Бенеш заявил, что полностью понимает и одобряет наши действия в Польше, настойчиво просил урегулировать вопрос о Западной Украине таким образом, чтобы СССР имел общую границу со Словакией. При этом он подчеркнул, что не имеет возражений против советской власти в Чехословакии, если только она будет свободной от германского ига. В отношении Карпатской Украины (Закарпатской Украины – *С.М.*) Бенеш прямо говорил, что она должна войти в состав УССР и что он, еще в бытность свою президентом Чехословакии, рассматривал ее как будущую часть Советского Союза» [1, с. 122]. Запомним этот фрагмент, поскольку именно это дипломатическое письмо Майского было предъявлено Бенешу в Москве 24 марта 1945 г., когда обсуждался вопрос о послевоенном будущем Чехословакии, в качестве напоминания президенту ЧСР о его положительном в 1939 г. отношении к вопросу о включении Закарпатья в состав СССР.

21 ноября 1939 г. состоялась новая встреча Майского с Бенешем, и на ней вновь зашел разговор о судьбе Закарпатья. В изложении Майского: «Бенеш заявил, что не мыслит себе дальнейшего исторического существования Чехословакии без самой близкой, самой неразделимой связи с СССР. Он (Бенеш – *С.М.*) давал понять, что при известных условиях допускает федеративную связь между своей страной и Советским Союзом. Именно ввиду таких соображений Бенеш считает абсолютно необходимым установление общей границы между Чехословакией и СССР. Это может быть достигнуто двумя

путями: включением Карпатской Украины (Закарпатской Украины – С.М.) либо в состав Чехословакии, либо в состав СССР. Бенешу безразлично, какая из этих двух альтернатив будет принята. Ему важна лишь общая граница между обоими государствами» [1, с. 327].

Однако в это время Советский Союз по договоренности с Германией готовился осуществить советизацию Финляндии, Прибалтики и Бессарабии и никоим образом не стремился испортить отношений с Гитлером из-за малозначительной территории Закарпатья. Тем более, что итак сверх договоренностей, зафиксированных в пакте Молотова–Риббентропа в августе 1939 г., Советский Союз высказал претензии на Северную Буковину, никогда ранее не принадлежавшую ни Российской империи, ни СССР, как последнюю, по словам Молотова, недостающую часть, «единой Украины» [8, с. 61]. Захватить в добавок к Северной Буковине еще и Закарпатье было бы уже слишком. Это встретило бы стойкое противодействие со стороны Германии, и Москва вынуждена была считаться с этим.

Аннексия Северной Буковины была на тот момент гораздо важнее для СССР, поскольку оттуда было рукой подать до румынских нефтяных промыслов Плаешти, снабжавших топливом гитлеровскую армию. А потому вопрос о присоединении Закарпатской Украины отходил для Москвы на второй, если не на третий план ее внешнеполитических комбинаций. Вот почему в разговоре с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 25 июня 1940 г. В. Молотов заявил: «Постановку вопроса о Буковине, где преобладающее население – украинцы, советское правительство считает правильной и своевременной, так как к настоящему времени вся Украина, за небольшими исключениями, уже объединена, но Советский Союз не ставил перед Венгрией вопроса о Прикарпатской Руси (Закарпатской Украине – С.М.), не считая его актуальным» [2, с. 375]. Запомним и эти слова.

Тем не менее в советское генконсульство в Праге поступали сотни писем, приходили отдельные граждане и целые делегации с одной единственной просьбой – присоединить Закарпатье к Советскому Союзу. По их рассказам, желание влиться в СССР охватило все украинско-русинское население края, а в приграничных с Советским Союзом районах местные жители в ожидании прихода Красной Армии даже вывешивали красные флаги. Но всякий раз советские дипломаты, общаясь с посетителями на эти темы, озвучивали официальную позицию Кремля о сложности международной обстановки, стремлении СССР к миру, политике нейтралитета в отношении Венгрии, имеющей с Советским Союзом дипломатические отношения, и соответственно невозможности вмешательства во внутренние дела венгерского государства со стороны СССР.

Все изменилось в июне 1941 г. Вслед за Германией Венгрия 27 июня объявила Советскому Союзу войну, и уже 1 июля венгерские войска вступили в первые боестолкновения с частями Красной Армии.

Дипломатия мирного времени для СССР закончилась. И хотя начало войны с гитлеровской коалицией было неутешительным для СССР, это не означало, что вопросы послевоенного устройства были сняты Москвой с повестки дня. Так, 16 декабря 1941 г. во время встречи Сталина и Молотова с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом речь зашла о будущей реорганизации послевоенных границ в Европе. Относительно Чехословакии было заявлено, что она «должна быть восстановлена в своих старых границах, включая Судеты. Этот последний район, ввиду его стратегической важности, ни в коем случае не может быть передан в руки Германии. Сверх того, территория Чехословакии должна быть увеличена на юге за счет Венгрии, которая должна понести надлежащее возмездие за свое поведение в ходе этой войны» [9, с. 125]. Конкретный вопрос о Закарпатье на этой встрече не обсуждался, но само по себе заявление советской стороны о необходимости восстановления Чехословакии в ее домюнхенских границах означало, что к концу 1941 г. Москву больше интересовало, как наказать Германию и Венгрию за их агрессию против СССР, нежели задумываться о послевоенной принадлежности Закарпатской Украины.

Между тем официальная позиция советского руководства о желании видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах, подтвержденная заявлением Молотова от 10 апреля 1942 г., послужила своеобразным сигналом для президента Бенеша. Отныне он перестал заявлять советскому руководству о своей готовности отдать Закарпатье Советскому Союзу и стал высказываться о будущем Чехословакии как государстве чехов и словаков, к которому присоединена Закарпатская Украина с особым режимом культурной автономии. К примеру, в декабре 1943 г. в Москве, в дни подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией, во время одной из встреч с Молотовым Бенеш заявил следующее (в изложении советской стороны): «Говоря о Закарпатской Украине, Бенеш заметил, что их прежняя политика там (до 1938 г. – С.М.) имела ошибки. Теперь они хотят максимального развития русской и украинской культуры. Сохраняя Закарпатскую Украину в составе Чехословакии, Бенеш надеется сплотить ее со всей страной на базе славянской культуры» [цит. по: 5, с. 37].

Трудно судить, действительно ли Бенеш надеялся после войны удержать Закарпатье в рамках Чехословакии пусть даже на правах широкой автономии или просто подыгрывал риторике Москвы в ее демонстративной незаинтересованности в аннексии Закарпатья. Но так или иначе, во время официальных встреч с руководителями СССР на протяжении всей советско-германской войны Бенеш вел себя так, как будто бы никогда ранее не высказывался о возможной советизации Закарпатья.

Однако в частных беседах позиция президента ЧСР в изгнании была более внятной. Он понимал, что рано или поздно СССР проявит свой интерес к Закарпатью, и случится это сразу после разгрома гитлеровской коалиции. В разговоре со своим секретарем весной 1944 г., когда советские войска в ходе стратегического наступления вышли к границам СССР, Бенеш сказал буквально следующее: «Мы – за то, что нам Подкарпатская Русь (Закарпатская Украина – С.М.) должна быть формально возвращена, поскольку она была включена в наши домюнхенские границы; однако если подкарпатские русины решат присоединиться к Советской Украине, то мы не будем этому препятствовать. Мы будем настаивать только ... на том, чтобы это делалось с нашего согласия» [цит. по: 6, с. 153].

Последняя фраза «чтобы это делалось с нашего согласия» и раскрывает, по-видимому, позицию Бенеша того времени. Он опасался, что Советский Союз, используя масштабное наступление Красной Армии по территории Восточной Европы, сделает то, чего не смог или не захотел сделать в 1939-1940 гг. – в одностороннем порядке, не спрашивая никого, силой присоединит к себе территорию Закарпатья.

Но спрашивать по сути было некого. Венгрия, выступившая на стороне гитлеровской Германии, терпела поражение, поэтому и речи не могло быть о сохранении Закарпатья в ее границах. К тому же все решения Венских арбитражей, спровоцировавших аннексию Закарпатья Венгрией, после войны подлежали отмене, о чем неоднократно заявляли представители стран антигитлеровской коалиции.

Чехословакия тоже не могла полноценно претендовать на территорию Закарпатской Украины, так как последняя ей исторически не принадлежала, а досталась почти нечаянно по решению Парижской мирной конференции после первой мировой войны. Более того, само пребывание Закарпатской Украины в составе Чехословакии рассматривалось правительством этой страны, как явление временное [см. 6, с. 153]. К тому же в 1944 г. правительство Бенеша не управляло своей страной, а находилось в эмиграции в Лондоне и не могло, естественно, влиять на события в Закарпатской Украине и уж тем более воспрепятствовать ее аннексии Советским Союзом.

Бенеш понимал это, а потому стремился хотя бы для видимости соблюсти законность процедуры определения будущего Закарпатской Украины. А для этого, как минимум, нужно было хотя бы формально восстановить юрисдикцию чехословацкого правительства на домюнхенской территории республики, включая Закарпатье, куда вот-вот должны были вступить советские войска.

Именно поэтому еще в феврале 1944 г. Бенеш предложил заключить соглашение между советским и чехословацким правительствами о взаимных отношениях в период вступления советских войск на территорию Чехословакии. 8 апреля 1944 г. Красная Армия вышла к домюнхенским границам Чехословакии на участке Закар-

патской Украины в районе населенных пунктов Жабийе и Надворная, а 8 мая 1944 г. в Лондоне такое соглашение было подписано [7, с. 160-162]. Текст соглашения, заметим, был подготовлен чехословацкой стороной и принят советской без каких-либо существенных поправок.

Небольшое, состоящее всего лишь из девяти пунктов соглашение было написано наспех и породило впоследствии массу недоразумений и конфликтных ситуаций между советским военным командованием и полномочными представителями чехословацкого правительства. К примеру, в статье 1 соглашения указывалось, что «верховная власть и ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, будет находиться в зоне военных операций на время, необходимое для осуществления этих операций, в руках главнокомандующего советскими (союзническими) войсками» [7, с. 160]. Но во время войны все дела можно было отнести к ее ведению, а потому вся власть на освобождаемой территории, следуя букве документа, оставалась в руках советского командования. Какие компетенции тогда отдавались на откуп чехословацким властям, не было ясно. Кроме того, оставался не проясненным вопрос, что считать во время стремительного продвижения Красной Армии на Запад «зоной военных операций», на которую распространялась власть советских военных органов, а что считать тылом, в котором, соответственно, должна была действовать чехословацкая администрация. При желании этот вопрос можно было толковать весьма произвольно и объявить всю местность, на которой размещались советские воинские части, обеспечивающие успешный ход боевых действий, в том числе и тыловые, зоной военных операций.

Правда, в статье 6 соглашения говорилось, что как только какая-либо часть освобожденной территории Чехословакии перестанет являться зоной непосредственных военных операций, чехословацкое правительство «полностью берет в свои руки власть управления общественными делами» [7, с. 161]. Однако в документе не было ни слова о том, как будет проходить передача власти на освобожденной территории и должна ли она быть вообще.

Другой пример. В статье 2 соглашения под литером «б» в ряду обязанностей чехословацкого правительственного уполномоченного на территории, очищенной от неприятеля, значилось – «воссоздать чехословацкие военные силы» [7, с. 160]. Этот пункт, как показали последующие события, вообще оказался невыполнимым на практике, поскольку командиры Красной Армии в обстановке продолжающейся войны не намерены были мириться с существованием у себя за спиной каких-либо вооруженных формирований, не подчиняющихся советскому командованию.

9 сентября 1944 г. началась Карпато-Ужгородская операция 4-го Украинского фронта. Войска фронта, преодолев 9 октября Главный Карпатский хребет, совершили прорыв на Средне-Дунайскую рав-

нину и правобережье Тисы. 23 октября был взят г. Хуст, 26 октября освобожден г. Мукачево, 28 октября – г. Ужгород.

Во исполнение вышеупомянутого Соглашения от 8 мая 1944 г. чехословацкая правительственная делегация во главе с Ф. Немецом в конце октября прибыла в Закарпатье и по решению командования 4-го Украинского фронта разместились в Хусте. Здесь была создана канцелярия правительственного уполномоченного с президиумом и 13 отделами (финансов, внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и др.), являющаяся своего рода филиалом лондонского правительства.

3 ноября 1944 г. Ф. Немец встретился с командующим 4-го Украинского фронта генералом армии И.Е. Петровым. На этой встрече командующий с карандашом в руках и картой поделил территорию Закарпатской Украины на две части. В восточной, включая Хуст, могла начинать свою деятельность чехословацкая администрация, западная часть Закарпатья оставалась под управлением советских военных органов. При этом представители чехословацкой администрации не имели права без разрешения советских военных властей находиться в разграниченной западной части края и пребывать в зоне оперативных действий Красной Армии. В самой же восточной зоне, отведенной для работы делегации Немеца, действовали советские военные комендантуры с почти неограниченным кругом полномочий, которые, естественно, подчинялись советскому командованию и выполняли его приказы.

Характерно, что по мере того, как советские войска продвигались на Запад, линия разграничения оставалась прежней, как и территория, на которой Немец пытался установить власть чехословацкого правительства.

Включенный в состав чехословацкой правительственной делегации коммунист И.И. Туряница прибыл в Закарпатье несколько раньше других. Сразу по приезде он фактически отошел от рутинной работы в правительственной канцелярии и целиком переключился на восстановление коммунистического движения в крае. Установив связи с вышедшими из подполья коммунистами, Туряница развернул бурную деятельность по организации на освобожденной территории местных органов власти – национальных комитетов (народных рад), главную роль в которых, естественно, играли коммунисты. В большинстве случаев эти комитеты возникали без участия и очень часто вопреки желаниям уполномоченного чехословацкого правительства. Национальные комитеты сразу после их возникновения брали власть в свои руки, устанавливали контакты с представителями советского командования, от которых получали всяческую помощь и поддержку.

Другим направлением работы И. Туряницы стала, естественно без всякого согласия на то со стороны Ф. Немеца, агитация за присоединение Закарпатья к Советскому Союзу.

Правительственная делегация также пыталась, в соответствии с полученными из Лондона инструкциями, создать на местах органы власти, подчиняющиеся канцелярии правительственного уполномоченного в Хусте, или наладить отношения с уже созданными национальными комитетами. Однако последние, руководимые в большинстве случаев коммунистами и поддерживаемые советскими военными властями, вовсе не собирались выполнять распоряжения чехословацких властей. На волне эйфории освобождения от венгерского владычества население Закарпатья, и без того подверженное русско-украинофильским настроениям, было склонно воспринимать скорее политику своих освободителей – СССР и Красной Армии, нежели чехословацкого правительства, которое, как рассуждали жители, не смогло защитить край от венгров и более того в трудный час бросило их и сбежало в Лондон.

Сами советские военные коменданты тоже не были сторонними наблюдателями попыток правительственной делегации восстановить в Закарпатье власть Чехословакии. Напротив, пользуясь своими полномочиями, подчас в нарушение майского Соглашения, они активно вмешивались в формирование местных органов власти, будучи уверены, что поступают абсолютно правильно, как и подобает воинам-коммунистам, представителям Рабоче-Крестьянской Красной Армии, армии-освободительницы. И с этим представители чехословацкого правительства ничего не могли поделать.

Вот как описывал Ф. Немец выборы 29 октября 1944 г. в национальный комитет города Хуста, в котором, напомним, размещалась канцелярия уполномоченного и президиум чехословацкой правительственной делегации: «Митинг открыл советский военный комендант города заявлением, что существующий национальный комитет состоит из самозванцев и что дело населения выбрать новый. Потом был зачитан список кандидатов, составленный накануне на пленарном заседании коммунистической партии, и по каждому из кандидатов задан вопрос, имеются ли против него возражения. Ни у кого возражений не было, и поэтому предложение без голосования было объявлено как принятое» [цит. по: 5, с. 60]. Если такое происходило в Хусте, прямо под носом у правительственной делегации, можно только догадываться, как формировалась местная власть в отдаленных селениях края. Наверняка и там советские офицеры играли не последнюю роль.

Таким образом, в Закарпатской Украине, даже ее восточной части, очерченной генералом Петровым для деятельности правительственной делегации, сложилась весьма любопытная ситуация: несмотря на соглашение от 8 мая 1944 г. представители чехословацкой стороны, получившие власть из рук советского командования, не могли полноценно ею воспользоваться из-за действий того же самого командования. Это была ситуация двоевластия, причем явно не в пользу чехословацкого правительства.

Далее события развивались стремительно.

7 ноября 1944 г. на освобожденной территории Закарпатья по инициативе местных коммунистов и советского военного командования повсеместно торжественно отмечалась 27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

12 ноября, это был воскресный день, по всему краю прокатилась волна митингов и собраний, на которых речь шла о присоединении Закарпатья к СССР и принимались соответствующие резолюции.

19 ноября в Мукачево состоялась первая конференция компартии Закарпатской Украины (КПЗУ). Секретарем ЦК КПЗУ был избран И.И. Туряница. Конференция приняла резолюцию «О воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной» и направила письмо о желании воссоединиться «с великим украинским народом» И.В. Сталину. Кроме того, по решению конференции и с согласия советской военной цензуры массовым тиражом была выпущена и распространена по всей территории края листовка «За объединение Закарпатской Украины с Советской Украиной»¹.

24 ноября 1944 г. опять-таки в Мукачево открылся 1-й съезд народных комитетов Закарпатской Украины, созванный по инициативе секретаря ЦК КПЗУ И. Туряницы. Выборы делегатов съезда прошли накануне по всем городкам и селениям Закарпатья под руководством коммунистов. Естественно, что все 663 делегата были единодушны в желании видеть Закарпатскую Украину в составе СССР.

В качестве почетных гостей на съезде присутствовали член Военного совета 4-го Украинского фронта Л.З. Мехлис и начальник политотдела 18-й армии Л.И. Брежнев. Представители чехословацкой правительственной делегации на съезд не были допущены². Глава делегации Ф. Немец даже не получил возможности огласить на съезде письменный вариант своего выступления.

Съезд принял Манифест об отделении Закарпатской Украины от Чехословакии, воссоединении с Советской Украиной и обратился в Верховный Совет СССР и Верховный Совет УССР с просьбой принять Закарпатскую Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики. Помимо украинского языка, вторым государственным языком объявлялся русский. Государственным

¹ Этот факт особенно примечателен, поскольку известно, что в зоне действия советских войск ни одно печатное издание не могла появиться в свет без разрешения военной цензуры.

² Формальным основанием для отказа членам чехословацкой правительственной делегации было то обстоятельство, что съезд проходил в г. Мукачево, то есть в западной части от демаркационной линии, очерченной генералом Петровым еще 3 ноября 1944 г. во время первой встречи с Ф. Немецем, куда въезд чехословацким чиновникам был запрещен. Однако это не помешало советскому командованию выдать разрешения на въезд в западную зону делегатам съезда, представляющим восточные районы Закарпатья.

флагом Закарпатской Украины стал флаг СССР с надписью на украинском языке по всему полотнищу «Да здравствует воссоединение Закарпатской Украины с Советской Украиной!».

На съезде была избрана Народная Рада Закарпатской Украины (НРЗУ) как единственно законная центральная власть в крае в составе 17 человек, 10 из которых были коммунистами. Председателем Рады стал И. Туряница, он же – секретарь ЦК КПЗУ.

В считанные дни Радой были приняты социалистические по духу и содержанию декреты: о наделении землей безземельных и малоземельных крестьян; об обеспечении строительным лесом и топливом рабочих, крестьян и трудящейся интеллигенции; о переходе права собственности от Венгерского королевства и Чехословацкой республики к Закарпатской Украине; о национализации спиртных заводов и т.д.

30 ноября Народная Рада предложила чехословацкому правительственному уполномоченному Ф. Немцу и всему его аппарату в трехдневный срок покинуть территорию Закарпатской Украины.

5 декабря 1944 г. НРЗУ приняла постановление о прекращении связей народных комитетов Закарпатской Украины с чехословацкой правительственной делегацией и предписала народным комитетам впредь исполнять указания только Народной Рады и сотрудничать только с ней. По всей территории Закарпатья были сняты чехословацкие государственные флаги.

Попав в своеобразную изоляцию, Ф. Немец пытался было апеллировать к командованию 4-го Украинского фронта, настаивая на выполнении советско-чехословацкого соглашения от 8 мая 1944 г. Но генералы лишь разводили руками, отвечая, что на освобожденной территории Закарпатья их интересует исключительно решение военных вопросов, а вмешиваться в дела гражданских лиц они не в силах. Это обязанность самого правительственного уполномоченного, и только от него зависит, как он сумеет наладить отношения с местным населением и стихийно возникающими органами самоуправления.

Конечно, Петров и Мехлис, мягко говоря, лукавили. Без их ведома и согласия ничего подобного в Закарпатье не могло происходить. Не то что собрать партийную конференцию или общенародный съезд, даже издать малотиражную газетку или созвать сельский сход нельзя было без согласия военных.

А советизация края тем временем продолжалась, здесь начали появляться различного рода общественные организации – точные копии тех, какие существовали в СССР. 17 декабря 1944 г. в Мукачево собрался 1-й съезд Союза молодежи Закарпатской Украины, который, естественно, поддержал все решения Народной Рады. В январе 1945 г. по инициативе коммунистов собрался 1-й съезд профсоюзов Закарпатья. По замыслу организаторов съезда профсоюзам в Закарпатской Украине была уготовлена та же роль, что и в СССР – во всем подчиняться правящей коммунистической партии.

Кроме того, закарпатские коммунисты выдвинули также идею организации союза крестьянской бедноты в качестве партнера компартии по аналогии с советскими комбедами, созданными в большевистской России сразу же после революции.

К организации присоединения Закарпатской Украины к СССР подключились даже служители культа. 18 ноября 1944 г. в Мукачево состоялся Православный съезд, собравший 23 православных священника. В обращении съезда к Сталину, в частности, говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся представители православных общин Карпатской Руси (Закарпатской Украины – С.М.), выражая волю всего православного народа, просим включить Карпатскую Русь (Закарпатскую Украину – С.М.) в состав СССР в форме – Карпато-русская советская республика. Желания и мечты наших предков были всегда, чтобы наша область за Карпатами, заселенная русинами, то есть Руси-сынами, возвратилась в лоно Великой Руси». В заключении выражалась глубокая благодарность в связи с освобождением «Великому вождю и освободителю всего славянства и Европы товарищу маршалу Сталину и Красной Армии» [цит. по: 11]. Участники съезда подписали также петицию, в которой просили Синод Русской Православной Церкви канонически оформить переход Мукачевской епархии из Сербской Православной Церкви в юрисдикцию Московской Патриархии. Эта просьба была удовлетворена в 1946 г. В свою очередь, главенствующая в крае греко-католическая (униатская) церковь была обвинена в сотрудничестве с оккупантами в годы войны и подвергнута гонениям со стороны советских властей. Лидер церковно-униатского сопротивления объединению Закарпатье с Советской Украиной архиепископ Ромжа, обвиненный в тайных контактах с Ватиканом и украинским националистическим подпольем, был по распоряжению Хрущева ликвидирован в 1947 г. агентами госбезопасности [10, с. 412-413].

Иными словами, Москва в Закарпатье начала разыгрывать спектакль, подобный тем, что были устроены в 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии: появление массового и якобы стихийного, то есть независимого от советских политических и военных властей, народного движения за присоединение к СССР. На самом деле, как фари-сейски заметил Сталин, не могло же советское правительство «запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю» [3, с. 277]. Чехословацким властям в этом спектакле была уготована роль пассивных наблюдателей.

«Я не понимаю, почему они это делают, – недоумевал Бенеш, рассуждая о политике русских в узком кругу доверенных лиц. – Если бы они хотели получить Подкарпатскую Русь (Закарпатскую Украину – С.М.), то могли бы об этом сказать. Я никогда не хотел удерживать Подкарпатскую Русь (Закарпатскую Украину – С.М.) ценой русской вражды. Всякий раз, когда я говорил с ними о Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине – С.М.), я всегда умышлен-

но избегал того, чтобы ее требовать напрямую для нас. Я только говорил, что она не должна остаться в Венгрии, что она должна принадлежать либо нам, либо русским. И я начал на нее рассчитывать только тогда, когда убедился, что русские на нее не претендуют. Нет, я вообще этого не понимаю. Почему же они захотели отобрать ее таким способом, если могли получить ее от нас, попросив об этом?» [цит. по: 5, с. 105].

Растерянность Бенеша можно понять. Он рассчитывал отложить вопрос о будущем Закарпатья до окончания войны, а там, возможно, и удалось бы сохранить Закарпатскую Украину в составе ЧСР, тем более что СССР ни разу не высказывал своей заинтересованности в этом осколке австрийской империи. В любом случае после войны этот вопрос, по замыслу Бенеша, решался бы в правовом поле между двумя равноправными участниками переговоров – правительством Чехословакии и правительством СССР. А значит, для чехословацкой стороны, даже при самом неблагоприятном сценарии, оставалась возможность для дипломатического маневра, торга, настаивания на территориальной компенсации и пр.

На деле все вышло не так. Закарпатье ускользало из рук правительства Бенеша, и что-либо противопоставить этому не было никакой возможности. Более того, президенту в самую пору было задуматься о судьбе Восточной Словакии, ибо там протекали схожие процессы: на территории присутствовали победоносные советские войска; образованный Словацкий национальный совет, как и в Закарпатье, игнорировал распоряжения эмигрантского правительства. Был, пожалуй, и самый серьезный фактор для беспокойства – изрядное количество в Словакии этнических русин и украинцев, которые в любой момент могли пожелать воссоединиться с Советской Украиной.

Кроме того, Бенеш наверняка знал, что в Москве еще с середины 1944 г. существовал просоветский Польский Комитет Национального Освобождения, и СССР добивался его признания в качестве временного польского правительства. Под контролем советских властей в декабре 1944 г. также проходило формирование Временного национального собрания и так называемого Дебрецинского правительства Венгрии. Советское руководство фактически направляло процесс создания правительства Национально-демократического фронта Румынии в начале 1945 г., и Кремль вел активные консультации с болгарскими и югославскими коммунистами по поводу будущего их стран. Все это говорило о стремлениях Советского Союза оказывать самое непосредственное влияние на внутреннюю политику освобождаемых им стран Восточной Европы.

Так что настроение Бенеша было безрадостным, когда он прибыл в Москву 17 марта 1945 г. для встречи с Молотовым. Внутренне он уже почти смирился с потерей Закарпатья, главным теперь для

него было – подтверждение советской стороной законности и правомочности его эмигрантского правительства на всей территории Чехословакии в ее домюнхенских границах, включая Словакию. И ради этой цели Бенеш был готов пожертвовать многим, не говоря уже об отчуждении Закарпатской Украины от Чехословакии.

Полной уверенности в покладистости Бенеша у Молотова, по видимому, не было, поэтому он начал переговоры с элементарного шантажа и хитрости. Бенешу был предъявлен текст его беседы с Майским 22 сентября 1939 г. в Лондоне, той самой, в ходе которой президент в изгнании разоткровенничался и открыто заявил советскому послу, что Закарпатская Украина должна войти в состав УССР и что он, еще в бытность свою президентом Чехословакии, рассматривал ее как будущую часть Советского Союза [1, с. 122].

Растерявшемуся Бенешу ничего не оставалось, как подтвердить неизменность своей позиции и ныне.

Однако Молотову этого было мало, ему нужны были письменные заверения чехословацкого президента о готовности передать Закарпатскую Украину СССР. И нарком иностранных дел СССР пошел на элементарный обман своего визави. Он сказал, что советское правительство должно проинформировать Президиум Верховного Совета СССР о ситуации вокруг Закарпатья, и что неплохо было бы иметь письменное заявление чехословацкой стороны о желании видеть Закарпатскую Украину в составе Советской Украины. Лучшим вариантом такого документа было бы личное письмо президента ЧСР с изложением его позиции, которое, естественно, не будет предано широкой огласке и останется тайным.

Этим предложением Молотов по сути загнал Бенеша в угол, принуждая президента к тайной сделке за спиной чехословацкого правительства. Ситуация была не из простых: отказать советскому наркому нельзя, но надо было как-то сохранить лицо и по возможности выставить встречные условия, не обидев при этом своего собеседника. Кроме того, Бенеш прекрасно понимал, что написанное им «тайное» письмо может в любой момент быть предано огласке и использовано против его самого: шантажировали его записями бесед шестилетней давности¹.

Отдадим должное дипломатическим способностям чехословацкого президента. Он согласился на просьбу Молотова и подготовил на его имя письмо, в котором, в частности, говорилось: «С удовольствием выполняю это Ваше желание и вновь повторяю, что, по моему мнению, Закарпатская Украина должна войти в состав Укра-

¹ По воспоминаниям П. Судоплатова, в январе 1948 г. в случае если бы Бенеш добровольно не согласился передать власть в Чехословакии коммунистам, Молотов был намерен шантажировать президента, предав гласности его «тайный договор» с Москвой о Закарпатской Украине [10, с. 382-385].

инской Советской Социалистической республики. Это осуществилось бы при соблюдении границ, существующих между Словакией и Закарпатской Украиной в Чехословацкой республике, ... по договоренности только между нашими обоими государствами и в момент, когда у меня будет возможность согласовать этот вопрос с нашими политическими деятелями в Праге. Искренне Ваш Э. Бенеш. Москва, 26 марта 1945 г.» [цит. по: 5, с. 145].

Обратим внимание на некоторые примечательные моменты этого послания. Во-первых, Бенеш заявляет о своей исключительно личной позиции, а не всего чехословацкого правительства. Более того, откладывает окончательное решение вопроса о Закарпатье до тех пор, пока эмигрантское правительство не вернется из Лондона в Прагу и не обсудит этот вопрос в более широком кругу чехословацких политиков.

Во-вторых, Бенеш подчеркивает, что передача Закарпатья Советскому Союзу может состояться при условии неизменности границ Словакии, которая остается в составе чехословацкой республики, таким образом отсекая возможные поползновения СССР на территорию Восточной Словакии с ее украино-русинским населением.

Одновременно, в-третьих, он заверяет советское правительство, что вопрос о Закарпатье будет решаться исключительно между ЧСР и СССР без какого-либо участия третьих стран. Бенеш давал понять советскому руководству, что в решении вопроса о принадлежности Закарпатья не будет обращаться за помощью или консультациями к своему покровителю – правительству Великобритании, у которого, наверняка, была своя, отличная от советской, позиция о будущем Закарпатской Украины.

Таким образом, вопрос об отчуждении Закарпатья от Чехословакии в пользу Советского Союза был фактически решен, хотя и негласно, на высшем уровне руководителей двух стран. Дело оставалось за малым – оформить принятые решения официальным двухсторонним договором.

Как только чехословацкое правительство вернулось из эмиграции в освобожденную Прагу, президент Бенеш, выполняя московские договоренности, инициировал обсуждение вопроса о Закарпатской Украине. Члены правительственного кабинета должны были принять во внимание то решающее обстоятельство, что фактического суверенитета над территорией Закарпатья у Чехословакии не существовало. В Закарпатской Украине правила самопровозглашенная просоветская Народная Рада, опирающаяся на поддержку Красной Армии и значительной части населения края. В этой ситуации настаивать на удержании Закарпатья в рамках Чехословацкой республики (под лозунгом восстановления ЧСР в домюнхенских границах), означало бы только одно – вступить в открытый конфликт с СССР и населением Закарпатской Украины. Во всех смыслах это было бы губительным для пражского правительства.

Кроме того, добровольно уступив Советскому Союзу Закарпатье, чехословацкие власти могли всерьез рассчитывать на поддержку СССР в территориальном споре с Польшей о возвращении Тешинской области, отторгнутой от Чехословакии в 1938 г. Чехословацко-польские переговоры об этом должны были открыться в Москве. Поэтому после небольшой дискуссии члены правительства решили передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу и одобрить соответствующий межгосударственный договор.

29 июня 1945 г. «Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине» был подписан в Москве и на следующий день опубликован в газете «Известия». Согласно договору, Закарпатская Украина воссоединялась в соответствии с желанием ее населения со своей «издавней родиной – Украиной» и включалась в состав УССР. Граница между Словакией и Закарпатской Украиной, существовавшая ко дню 29-го сентября 1938 г., становилась государственной границей между СССР и ЧСР. Договор подлежал утверждению Президиумом Верховного Совета СССР и Чехословацким Национальным собранием [4, с. 78-80].

22 ноября 1945 г. Временное Национальное собрание ЧСР одобрило конституционный закон о Закарпатской Украине, ратифицировав советско-чехословацкий договор от 29 июня; Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал его своим указом от 27 ноября 1945 г. [4, с. 176, 178].

Стало ли присоединение Закарпатской Украины к СССР приятной неожиданностью для Москвы, или это была задолго спланированная внешнеполитическая операция советского руководства? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. По крайней мере поведение Москвы на заключительном этапе убедительно показывает, что советское руководство целенаправленно стремилось взять Закарпатье под свою опеку и преуспело в этом. Однако имеющиеся документы и свидетельства не дают точного ответа на вопрос, когда и при каких обстоятельствах произошла перемена во взглядах руководителей СССР: от демонстрации полной незаинтересованности в судьбе Закарпатья до осуществления четко выверенных практических шагов по обладанию краем. Когда в Москве проснулся этот интерес: в 1945-м, 1944-м или еще раньше?

Очевидно одно: это «случайное» территориальное приобретение Сталина произошло в ходе мировой войны и стало возможным благодаря успешному наступлению советских войск в Восточной Европе. Именно возросший в мире авторитет СССР как страны-победительницы германского фашизма, присутствие в Закарпатье частей Красной Армии, а также активная деятельность местных коммунистов, поддерживаемых советским военным командованием,

сыграли решающую роль в росте просоветских настроений среди жителей Закарпатья. Этим не преминуло воспользоваться советское руководство в своей политике расширения послевоенных границ СССР. В свою очередь, руководство Чехословакии, не раз предлагавшее Советскому Союзу присоединить Закарпатье к Советской Украине, в 1945-м г. всерьез опасалось, что советизация с помощью Красной Армии и местных коммунистов коснется не только Закарпатской Украины, но и Словакии с изрядной долей проживающего там украинско-русинского населения, а потому с легкостью уступило часть территории республики в обмен на гарантии советской стороны о сохранности словацких границ.

22 января 1946 г. решением Президиума Верховного Совета СССР была образована Закарпатская область УССР, на территории которой начала действовать Конституция и законы СССР. К Советскому Союзу присоединилась территория площадью 12,5 тыс. кв. км с населением около 725 тыс. человек. СССР и ЧСР стали непосредственными соседями, имеющими общую государственную границу протяженностью 98,5 км.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Документы внешней политики. Т. XXII. В 2 кн. Кн. 2. 1 сентября – 31 декабря 1939. М.: Международные отношения, 1992. 688 с.
2. Документы внешней политики. Т. XXIII. В 2 кн. Кн. 1. Январь-октябрь 1940. М.: Международные отношения, 1995. 752 с.
3. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. В 5 т. Декабрь 1943 г. – май 1945 г. Кн. 2. М.: Наука, 1983. Т. 4. 470 с.
4. Там же. Май 1945 г. – февраль 1948 г. М.: Наука, 1988. Т. 5. 481 с.
5. *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.
6. *Поп И.И.* Чехословакия – Советский Союз. 1941–1947 гг. М.: Наука, 1990. 280 с.
7. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1960. 292 с.
8. СССР–Германия. 1939–1941: Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июль 1941 г. / Сост. Ю. Фельштинский. Б.м.: Telex, 1983. 192 с.
9. СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 2 т. Т. 1. 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. М.: Международные отношения, 1996. 783 с.
10. *Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. 332 с.
11. *Фролов К.* Карпатороссы и великая Россия. О том, как православное население Закарпатья боролось за право быть православными // Независимая газета, 2000. 26 янв.

RESUME

Sergei Viacheslavovich Moshkin, Doctor of Political Science, associate professor, principal researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, tel.: (343) 374-33-55 osa-sv@yandex.ru

Transcarpathia – the post-war acquisition of Stalin

The article deals with the circumstances of the accession of the Transcarpathian Ukraine to the Soviet Union. The author shows how the area that had never belonged to the Russian Empire or to the Soviet Union became part of the Soviet Union with the knowledge and consent of the Administration of Czechoslovakia in 1945. In the authors' opinion, the enhanced prestige of the Soviet Union as the victorious country that defeated the German fascism, the presence of the Red Army in Transcarpathia and the activity of the local communists supported by the Soviet military command played a decisive role in the growth of the pro-Soviet sentiment among the residents of Transcarpathia. Soviet Administration managed to take advantage of all these factors in its policy of expanding post-war borders.

Munich Agreements of 1938, foreign policy of the USSR, Soviet and Czechoslovak relations, the Transcarpathian Ukraine, post-war borders in Eastern Europe.

Материал поступил в редколлегию 30.08.2011 г.